

84(2Рос-Рус)6
Н63

Владислав
Николаев

ЛИРИЧЕСКИЕ
рассказы

8
84/2 Рсс = Рчс/6
Н63

Владислав НИКОЛАЕВ

ЛИРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
Литературно-краеведческий центр
Фонд редких изданий
г. Тюмень, ул. Первомайская, 14

Н6072
1

2

214 21

-107905/1-

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

Р 2
Н 63

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

Муниципальное автономное учреждение культуры
«централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

0104015

Владислав НИКОЛАЕВ

Владислав Николаевич Николаев родился в 1930 году. Детство прошло в Нижнем Тагиле. Здесь закончил среднюю школу. В 1948 году поступил в Ленинградский государственный университет после окончания которого был направлен в Сибирь. Работал в газетах «Красноярский рабочий» — литсотрудником, спецкором и «Советская Хакасия» — заведующим отделом культуры и быта.

Печатать рассказы и очерки начал еще студентом. В Сибири много ездил по новостройкам; впечатления отстаивались в художественные очерки, они публиковались в альманахах «Енисей» и «Абакан». В 1957 году в Красноярском издательстве вышла книжка очерков «На новом месте», в которой рассказывалось о молодых строителях Красноярской ГЭС.

В 1959 году напечатана вторая очерковая книжка «Жемчужина гор Саянских».

В том же году вернулся на Урал. В первом номере журнала «Урал» за 1960 год опубликована повесть «Подснежники», которая через некоторое время вышла отдельным изданием.

Изучая жизнь, писатель каждое лето путешествует по стране. Путешествует не праздным туристом, а участником какого-нибудь большого и важного дела. Целое лето работал на Северном Урале радиометристом в геолого-съёмочной партии; в составе этнографической экспедиции проплыл реку Печору, а в 1962 году плывал матросом на зверобойном сейнере в Карском море.

В результате этих поездок написаны повести «Свистящий ветер» и «В ледостав», которые сначала печатались в журнале «Урал», а потом вышли в Свердловском издательстве отдельной книгой.

С января 1963 года Владислав Николаев живет в Тюмени. Член Союза писателей СССР.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Антон сидел на вывороченном пне, смоляном и крепком, как чугунная болванка, и палкой пошевеливал в костре.

Плавилось над головой солнце. В его нестерпимом блеске не было видно огня в костре. Но огонь все-таки был, потому что конец палки, которой ворошил Антон головешки, обуглился и заострился.

Вечером, когда солнце остынет и закатится за мохнатую стену ельника, а из лесу выползает на еланку вязкая прохладная чернота, Антон положит тень в костер. Через несколько минут он охватится веселым желтым огнем и будет гореть всю ночь, все следующее утро, пока новое солнце не погасит его.

Посредине еланки, бросая короткую тень на примятую траву, стоял зарод; даже в безветрие от него тянули много-

цветные запахи сена. На теневой стороне зарода чернела нора — вход в шалаш. Антон изредка поглядывал на него, будто ждал — не появится ли кто оттуда.

За ельником позванивала коса. Антон по звуку догадывался, как тяжело она берет сухую и твердую траву. Он поморщился: отец мог бы и переждать жару.

За спиной Антона хрустнула ветка, и он, вздрогнув от неожиданности, оглянулся. Не замечая его, из мелколистных, серых, словно осыпанных пылью кустов жимолости, выбиралась незнакомая девушка. Ее цветастая косынка, завязанная на затылке, сбилась, а к голубому свитеру налипли колючки и паутина.

— Вы стороной обойдите, — посоветовал Антон.

— Ой! — испуганно воскликнула девушка. — Откуда вы взялись?

— Я все время здесь сидел.

Девушка решительно рванулась вперед и высвободилась из цепких веток жимолости. Она была худенькой и хрупкой. Антон остановил взгляд на ее ногах, исчерканных розовыми царапинами. Девушка тоже посмотрела на свои ноги и сказала:

— Надо было чулки надеть. Не думала, что так далеко заберусь... Вы не скажете, в какой стороне дачи?

— Вон в той, — Антон показал рукой на кусты жимолости, из которых только что выбралась девушка.

— Да? А я думала в противоположной. Значит, я заплуталась.

— За ельником дорога. Пойдете по ней вправо, и она вас выведет прямо к дачам.

— Мне еще нельзя туда идти. Я с папкой поспорила, что вернусь с полной корзиной грибов. А у меня их едва на доннышке, — она легко потрясла круглой плетеной корзинкой.

— Какие вы грибы собираете?

— Да всякие. Только не поганки, конечно.

Антон поглядел на темную нору в заросле, прислушался — там было тихо, встал с пенька и сказал:

— Грибов здесь много. Пойдемте покажу.

Девушка вскинула на него глаза — широко распахнутые и такие пронзительно голубые, что в них, как в небо, было больно смотреть. Антон отвернулся.

— Пойдемте, — просто и доверчиво сказала она.

Антон, не оглядываясь, зашагал через ельник.

— Не отставайте! — крикнул он через плечо. Немного погодя еще крикнул: — Идите сюда!

Когда девушка поравнялась с ним, он показал на коренастую молодую елку и сказал:

— Ельничный.

— Где? Не вижу!

Антон ухватил за макушку широкую зеленую ветку, лежащую прямо на земле, приподнял ее, и у самого чешуйчатого ствола елки блеснула желтая маслянистая головка гриба. Девушка порывисто упала коленями в ржавый мох, просунула под ветки голову и сорвала гриб.

— Какой аккуратненький! — восхищенно говорила она, стоя на коленях, — и какой крепкий, яркий! Как янтарь!

Антон улыбнулся, глядя на оживленное лицо девушки, на ее блестящие от восторга глаза. Она перехватила улыбку, смутилась и так же порывисто, как упала, вскочила на ноги: коленки у нее были мокрые и красные.

— Вас как зовут? — спросил Антон.

— Наташа... А вас?

— Антон... Антон Иванович... если хотите... Видите, Наташа, впереди стоят осинки? Там должны быть подосиновики или, как их еще называют, красноголовики.

— Как чудно! Подосиновики растут под осинками, ельничные — под елями.

Тонкая кора на осинах отливала голубизною; их плотные маленькие листья о чем-то тихо шептались. Антон то и дело нагибался и срезал подосиновики, крепкие, с толстыми ножками и бордовыми скрипучими шляпками. Наташа брела следом и вздыхала:

— Вы все находите и находите. А я ничего не нахожу...

Антон подозвал ее к себе.

— Нагнитесь и смотрите. Вот гриб, вот второй, вот третий, а вон их целых полдюжины из одного корня растет.

— Ой и правда! Я просто, наверное, не умею искать. Нужно не сверху смотреть, а снизу? Да? А эту кучку я выкопаю и унесу своему племяннику Андрейке.

Корзина наполнялась быстро, Антон

нашел еще одну сросшуюся кучку красноголовиков, больше первой, вырыл ее вместе с дерном и подал Наташе.

— Эта, пожалуй, покрасивее. Унесите Андрейке.

На небе неожиданно откуда-то выплыла густо-синяя тучка. Она еще не успела заслонить солнца, как из нее посыпались крупные, светлые, теплые капли. Слепой дождь. Антон схватил Наташу за руку, и по враз намокшей траве они побежали к видневшемуся невдалеке кедру. Под ним было сухо и тепло. А в двух шагах, там, где кончались ветки кедра, лил дождь. Под ударами капель шевелились трава и листья на кустах.

— У вас в волосах запутались иголки, — сказала Наташа. — Давайте я их выберу.

Антон наклонил голову, и Наташа своими длинными пальцами стала осторожно перебирать его мокрые пряди.

— А на висках седина! — удивилась она. — Вы такой молодой...

— Однажды две недели замерзал в тайге. Вот и осталась изморозь, — усмехнулся Антон.

— Вы геолог?

— Ага!

— Я сразу почему-то подумала, что вы геолог... Все. Больше иголок нет.

Антон поднял голову. Наташа смотрела на него своими пронзительно голубыми глазами серьезно и изучающе. Антон улыбнулся ей:

— Попали мы с вами в переплет. А что если дождь не кончится до вечера?

Наташа молчала. Антон еще ждал ответа на свой вопрос, когда она заговорила совсем о другом:

— Мне знакомый мальчишка рассказывал... Он со своим товарищем ездил на таежную реку рыбу ловить. Через день в лесу они стали бояться друг друга. Даже за сучьями для костра ходили с ружьями, каждый думал, что другой его хочет убить. Мальчишка мне объяснял: так тайга действует на человека, что он зверем в ней становится. По-моему, это ерунда. Я вот сейчас с вами стою, а вокруг никого-никого нет, и мне совсем не страшно, наоборот, было бы страшно, если бы я была одна.

— У вашего мальчишки больное воображение, — жестко сказал Антон, и по его лицу пробежала хмурая тень.

Наташа подумала, что это тень воспоминаний. И в тех воспоминаниях Антона,

наверное, все было не так, как у ее знакомого мальчишки; в них люди доверяли друг другу, жертвовали жизнями, чтобы спасти товарища. И она поспешила отмежеваться от знакомого мальчишки:

— Вы знаете, он за меня два раза сватался. А я его видеть не хочу. Такой противный хлюпик.

— Ну, вот и кончился дождик, — весело сказал Антон.

Они вышли из-под кедра. Густо-синяя тучка, как пиратский парус, уплыла за кромку леса. Обмытое солнце светило еще жарче. В траве и на кустах ослепительно сверкали дождевые капли. Поднимался и таял легкий прозрачный пар.

— Осторожнее, — предупредил Антон, обходя березку, обвешанную крупными каплями, сверкающими, как драгоценные камни.

Наташа или не расслышала, или захотелось ей созорничать, только, проходя мимо березки, она зацепила ее плечом, вода с шорохом сорвалась с листьев и с ног до головы окатила ее и Антона.

— Ой! — вскрикнула Наташа и радостно и громко рассмеялась. — Вы меня

извините, Антон. Под дождем не намокли, а тут намокли.

— Ничего, — ответил Антон, улыбаясь так, как взрослые улыбаются, глядя на шалости детей.

Перед самой дорогой Антон набрел на россыпь земляники. Он с корешками вырвал несколько кустиков, сложил их в букетик, курчавый, с густо рдеющими среди мелких зеленых листочков ягодами, и подал его Наташе.

— Надеюсь, вашему племяннику это больше понравится, чем грибы.

— Скажу, дядя Антон послал.

— Дядю Антона он не знает. Скажите лучше, что встретили в лесу зайку, и он послал гостинцы... Ну, вот и вышли на дорогу, никуда с нее не сворачивайте, и она вас выведет к дачам.

— А вы здесь остаетесь?

— Да.

— Что вы тут делаете?

— Помогаю отцу косить.

— Я так и подумала, что помогаете косить.

— Вы все наперед про меня знаете.

— Со мной иногда так бывает: если нравится человек, я все про него угадываю.

— Ну, что ж, прощайте, маленькая угадчица, — Антон протянул руку.

Наташа спрятала свою за спину.

— Да постоит немного, — недовольно сказала она. — Вы знаете, где дачи? Наша стоит у самого озера. Зеленая, с верандой.

— Я там не бываю.

— В городе у нас телефон. С завтрашнего дня я буду в городе. Запомните номер? — Наташа смотрела ему в глаза тревожно и просительно...

— Нет, — покачал головой Антон. — Через несколько дней я уезжаю... Далеко и надолго.

Из лесу на дорогу выкатила грязная мокрая полуторка.

— Идет как раз в вашу сторону, — сказал Антон. — Я остановлю ее.

— Не надо, — попросила Наташа.

Но Антон уже протянул руку. Полуторка, скрипнув тормозами, остановилась. Наташа придвинулась к Антону, и подняв на него свои глаза, торопливо и потерянно говорила:

— Вы не думайте, что я со всеми такая. Это только с вами... Здесь, — она несколько раз ткнула пальцем в грудь, — здесь чувствую что-то большое...

— Ну, кто из вас едет? — высунулся из кабины шофер.

— Вот она, — сказал Антон. — Садитесь, Наташа.

Горестно дрогнули губы, голубые глаза взглянули на Антона слепо и непонимающе. Наташа круто повернулась и, надломленно взмахнув рукой, побежала вокруг машины.

Антон пошел к покосу. Он слышал, как полуторка буксовала на грязной дороге, как хлопала перегоревшим газом, как, наконец, сорвалась с места и, с шумом разбрызгивая лужи, покатила к дачам. Он оглянулся только тогда, когда был уверен, что полуторку уже больше не увидит. Ее не было. Над дорогой стлался синий дымок.

На еланке он сел все на тот же крепкий смолевый пенёк. Подмокшие головешки горько чадили. Дождевые капли пробили в золе глубокие круглые дырки — словно дробь просыпалась. Где-то далеко под косою сочно похрустывала влажная трава: отец не переставал косить.

В шалаше, под зародом, проснулись. Оттуда слышались приглушенные голоса и возня, а через минуту в круглой черной норе показалось свеженькое и розо-

вое со сна личико Марийки. Обведя темными, как смородинки, глазами еланку, она увидела Антона и радостно крикнула:

— А вот и мы, папка!

Эта «маленькая стилияжка» в коричневой шерстяной кофточке и коричневых узких брючках проворно выбралась из норы и побежала к Антону. Ее короткие и слабые ножки заплелись одна за другую, и она плашмя упала на колючую и мокрую землю. Марийка подняла голову, сморщилась, хотела видно заплакать, но вместо этого почему-то бодро сказала:

— Вот так я! Упала!

— Ничего, — не поднимаясь с пенька, устало проговорил Антон. — Заживет. А костюмчик высохнет и обомнется.

Вылезла из шалаша жена с белыми тонкими полосками от сена на пухлых голых руках и щеке. Марийка встала на ножки и сказала, обращаясь к матери:

— Я упала. Но ничего. Костюмчик высохнет и обомнется.

Жена посмотрела на Антона и глуховатым, еще сонным голосом сказала:

— Ты весь мокрый. Почему к нам не залез, когда пошел дождь?

— Я в лесу был, — хмуро ответил Антон.

Марийка всплеснула руками:

— Ты в лесу, папка, был! И зайку видел? Зайка мне послал гостинцев?

— Нет, — сказал Антон и, вспомнив букетик земляники, посланный неизвестному Андрейке, поморщился, как от зубной боли.

— Что с тобой, Антон? — уже совсем свежим голосом спросила жена. — Ты на себя не похож. Заболел или случилось что?

— А что может со мной случиться? — отведя в сторону взгляд, проговорил Антон.

Встав с пенька, он подошел к сосне, снял с сучка косу и направился в ту сторону, откуда доносились звон оселка и сочное похрустывание мокрой травы.

КРАСНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Илька выдернула из моей ладони ручонку, спрыгнула с тротуара и по влажной от росы траве побежала к толстому мальчишке, сидящему на трехколесном велосипеде. Я остановился. Илька обеими руками схватилась за руль, потянула его на себя, так что он развернулся в сторону, и сказала:

— А ну-ка слазь, Коля! Я прокачусь.

Коля важно надул губы и, как и подобает мужчине, посмотрел на Ильку с полнейшим пренебрежением.

Тогда Илька сняла с руля правую руку, уперлась ею в Колин бок, и Коля стал медленно сползать с седла, и вся важность слетела с его лица, пухлые губы мокро обвисли, а глаза сделались круглыми и бессмысленными. И он бы упал, если бы Илька сама в последний момент не поддержала его.

— Я скажу папке, — плаксивым голосом погрозил Коля.

Илька, метнув на меня короткий взгляд, прошептала:

— У меня тоже есть папка. Сегодня приехал. И он мне купит велосипед. Красный, как у пожарников.

— Ну да? — недоверчиво протянул Коля.

Убеждать его Илька не стала. Повернулась и, высоко вскидывая голенькие круглые коленки, побежала ко мне. Мы снова взялись за руки.

Я не видел ее ровно год. Думал — забыла, не узнает. Когда сегодня вошел в Верин дом, Илька сидела посреди прихожей на полу и складывала в кузов железной машины кубики. Она с полминуты непонимающе смотрела мне в глаза, потом покраснела, проворно вскочила на ножки, всплеснула по-взрослому руками и с криком: «Ой, папа приехал!» исчезла в боковой комнате. Оттуда она появилась с Верой. Илька шла впереди и тащила мать за широкий подол яркого под цвет осенней рябины сарафана. Верино лицо не выражало ни радости, ни удивления, ни испуга. Спокойное холодное лицо. Впрочем, мне было вполне доста-

точно Илькиного волнения и вырвавшегося из ее груди слова «папа».

А сейчас мы шли с Илькой по центральной улице поселка. Под ногами упруго прогибались доски тротуара. Поселок находился под полярным кругом, весной он затоплялся по самые окна, и пройти можно было лишь по этим деревянным тротуарам, поднятым над землей чуть не на целый метр. Справа, за щитовыми домами, была река, с нее доносились пыхтение пароходов.

Нас обгоняли парочки. Они спешили на последний сеанс в кино. Над их головами подвижными голубоватыми облачками висели комары. А навстречу прошли, тесно прижавшись друг к другу, парень и девушка. Оба они были в накомарниках, и сквозь черные сетки глаза их блестели таинственно.

У Ильки вокруг головы в виде косынки была повязана сетка Поплавского. Пропитанная едкой стойкой мазью, она отпугивала комаров на расстоянии. Зато Илькины ноги были голенькие, и она то и дело выдергивала из моей ладони руку и звонко хлопала себя по коленкам и икрам. Я удивлялся, что она еще не хнычет, потому что сам еле сдержи-

вался, чтобы не взвыть от боли: комары кусали в щеки, губы, нос, веки. А шея уже распухла от укусов и моих ожесточенных шлепков.

А возвращаться в дом не хотелось. Я знал, что теперь очень долго не увижу Ильку и страстно желал, чтобы она запомнила меня, запомнила на всю жизнь.

Мы проходили мимо кирпичной бани. Перед баней светился стеклянными окошками ларек. Я подвел к нему Ильку и спросил:

— Пить хочешь?

— Да.

Я попросил налить стакан лимонаду, а пока Илька пила, купил еще несколько плиток шоколада, коробку печенья и килограмм сморщенных зеленых яблок.

— Это все мне? — удивилась Илька.

— Тебе.

— Мне очень много. Пусть всем. И маме, и бабе, и деде, и Наташе, и Лене, и Вите.

— Хорошо. Пусть всем.

— На, понеси. Комары заели, — Илька протянула мне свертки, присела на корточки и ноги от комаров прикрыла подолом. Я закурил. Когда поднимал от

огонька голову, то мне показалось, что за углом бани, в кустах можжевельника, мелькнул Верин сарафан. Неужели следит за нами? Но зная гордый Верин характер, я тут же отогнал это подозрение.

Я отломил Ильке кусочек шоколадки, она положила его в рот, и белые плотные зубки у ней стали коричневыми. Завтра она вместе со своими тетями, одной из которых восемнадцать лет, а другой шесть, и с дядей, которому семь лет, съедят и шоколад, и печенье, и яблоки, и обо мне не останется у Ильки никакой памяти.

Первое, что я сам запомнил в жизни, был большой-пребольшой дом, строящийся среди деревянных темных хибарок. Я запрокидывал вверх лицом голову и смотрел, как по стенам последнего этажа передвигались каменщики в красных от кирпичной пыли передниках. Они походили на краснорудых щеглов. Рядом со мной стояла бабушка и держала на руках беловолосую маленькую сестренку. Бабушка говорила: «Там ваша мама работает». Я смотрел и смотрел на каменщиков, стараясь в одном из них узнать маму, но так и не узнал ее. Это был первый многоэтажный каменный

дом в нашем городе, первый большой дом, какой я видел в своей жизни и, может, поэтому навсегда запомнил и бабушку с сухим коричневым лицом, и сестренку, и ее белые, легкие, как пушок одуванчика, волосы, и маму в красном от пыли брезентовом переднике и таких же рукавицах.

В поселке многоэтажных домов не было. Да и не произвели бы они на Ильку такого сильного впечатления, как некогда на меня, потому что еще недавно она жила в большом каменном городе.

На реке все еще пыхтели пароходы, и я спросил Ильку:

— Ты пароходы видела?

— Это которые по реке ходят? Видела из окна.

— А на самом пароходе была?

— Мама меня не пускает.

— А хочешь я тебя свожу на него?

— Ой, хочу, хочу!

Я переложил свертки в левую руку, на правую посадил Ильку, мы обогнули баню и пошли к реке. В лицо потянул ветерок, пахнувший тинной и мазутом.

Над крутым берегом торчали широкие, словно умывальные тазы, верхушки труб, мачты и флагштоки с желтыми огнями

клотиков, — речники зажгли их для порядка, вечер или, точнее, уже ночь стояла светлая, у противоположного далекого берега отчетливо виделся беленький катерок, разводящий волну.

Мы подходили к обрыву, когда за спиной я услышал торопливые шаги. Оглянулся. Нас догоняла Вера. Я опустил Ильку на землю, она бросилась к матери и прижалась к ее ногам.

— Куда повел? — тяжело дыша, спросила Вера.

— Пароходики смотреть, — вместо меня ответила Илька.

У Веры разметались по плечам темные с рыжеватым отливом волосы, влажно блестела на обнаженных руках загорелая кожа, высоко поднимались груди под прямоугольным вырезом сарафана. «Красивая, дьявол», — подумал я, и по старому, как год назад, всего меня полоснула ревность.

— Увезти хотел, — сказал я. — Посадить на пароход и увезти.

Вера побледнела и плотнее прижала к себе Ильку:

— Я с самого начала решила, что ты не с добром к нам приехал.

— Значит, ты следила за нами?

Вера словно и не слышала моего вопроса, быстро выговаривала свое.

— Только посмей это сделать! Всю страну подниму на ноги. И где ни скроешься — все равно найду. И тебе не поздоровится. Ильку без отца оставил, теперь меня хочешь убить.

— Выходит, я виноват?

— Мама, — вмешалась Илька. — Не надо ругать папку. Мы пароходики шли смотреть.

— В самом деле хватит, — обрадовался я дочериной поддержке. — Считай, что плохо пошутил.

— От тебя всего можно ждать... Пойдем, Илька, домой. Спать пора.

— А пароходики?

— Завтра сама их покажу тебе.

Вера взяла Ильку за руку и направилась в поселок. Я побрел следом. Илька оглядывалась на меня, и я, прибавив шаг, поравнялся с ней и взял за другую руку.

— Значит, совсем из наших краев уезжаешь? — безразлично спросила Вера

— Совсем.

— Обстановкой как распорядился?

— Обыкновенно. Продал. И устроил прощальный банкет.

Так и было. Когда Вера уезжала, то из гордости или презрения кроме Илькиных игрушек да своей одежды ничего с собой не взяла. И целый год столы, шкафы, стулья, ковры, книжные полки смотрели на меня с неммым укором: что ж это ты, брат, пользуешься нами один, ведь мы прекрасно помним, что каждого из нас выбирали в магазине, а потом везли то на санках, то на лошади, то на машине двое; нечестно, брат, получается. В конце концов, я так возненавидел все эти вещи, что когда пришло время уезжать, то созвал соседей и велел забирать что кому понравится и платить столько, сколько они найдут нужным. Не получил и половины первоначальной стоимости. И эти деньги я мог только пропить. Мог бы еще послать Вере, но она все равно вернула бы их обратно. Вот я как распорядился обстановкой.

— За сколько интересно подушки продал?

— А я их оптом вместе с кроватью и матрасом, за двадцать пять рублей.

— Дурачок! — усмехнулась Вера.

— Осторожнее! — обиделся я. — Теперь мы посторонние и это звучит как оскорбление.

— Каждая подушка стоит двадцать пять рублей. Они из гагажьего пуха.

— Ну и забирала бы их с собой. Или хотя бы цену пометила.

Вера, помолчав, произнесла задумчиво:

— Мы оба с тобой как после пожара.

— Хуже. Я у Даля прочитал: лучше два раза погореть, чем один раз овдоветь.

Илька как в хорошие старые времена шла посредине. Иногда она обвисала на наших руках, поджимала ноги и требовала, чтобы мы тащили ее бегом. Но ни Вере ни мне было не до развлечений. Илька сердилась на нас.

— Как твои друзья поживают?—спросила Вера.

— Без перемен. Когда узнали, что заеду к тебе, то просили кланяться.

— Спасибо!

— Издали несколько раз видел Алика Карасюка. Все такой же сногшибательно красивый. Говорят, по-прежнему не пропускает ни одной смазливой девчонки. Только с замужними женщинами стал поосторожнее: боится еще раз нарваться на ревнивого мужа.

— Мне это безразлично.

— Ой ли?

— И вообще все это тебя не касается. Мы ведь, как ты сам выразился, теперь посторонние.

— Что правда, то правда.

Подошли к Верину дому.

— Ну что ж,—бодро сказал я.—Пойду в гостиницу. Завтра еще забегу, надо для Ильки кое-что сделать. И уеду.

— Зайди в дом, — предложила Вера. — Отец с тобой хочет поговорить.

— Нам, по-моему, не о чем с ним говорить.

— Боишься? — Вера пронизательно взглянула мне в глаза.

— Ну вот еще! — я пожал плечами и толкнул калитку.

Во дворе вдоль забора тянулась поленница колотых березовых дров. Я скользнул по ней взглядом и увидел между поленьями узкое донышко коньячной бутылки. Я привез ее из города вместе с прочими подарками, но в дом внести не решался и спрятал в поленнице.

Вошли в прихожую, где стояло высокое трюмо. Я посмотрел в него и враз увидел всех троих: себя, Веру и Ильку. Вера была тонкая и лепкая в своем рябиновом сарафане и совсем не походила на мать такой большой девочки, как Илька.

Да и сам я с круглым лицом и рассыпавшимися волосами вполне сходил еще за парня. Я вспомнил, как год назад мечтал о том, что вот подрастет дочь, будет ей шестнадцать лет и мы в первый раз пойдем вместе в театр и незнакомые люди станут нас принимать за влюбленных, я вспомнил про свои мечты и мне стало так пусто, одиноко, как еще никогда не было.

— Иди в кухню, — сказала Вера. — Отец там. А я Ильку уложу. Да и самой спать охота.

Я послушно поплелся в кухню. Владимир Андреевич, Верин отец, в форменном кителе речника, застегнутом на все пуговицы, сидел за пустым столом и подпирал голову большими черными кулаками. Он молча, изучающе смотрел на меня. Я отвернулся к окну, с раскаянием подумал о том, что зашел совершенно напрасно. Сейчас, верно, примется с высоты своей незамутненной жизни читать нравоучения. Он служил капитаном грузового теплохода. Теплоход этот перед войной сам привел на реку из Норвегии. Растил четверых детей, хороших детей. А с женой, Анастасией Ивановной, жил, мало сказать, дружно; они, по-моему, до

сих пор были влюблены в друг друга. Словом у капитана были прочные, просто железобетонные позиции для разговора со мной. Он опустил руки на стол и сказал:

— В четыре часа ухажу в плаванье.

Чаю, что ли, выпьем на прощание.

— Если прощаться, то как следует. У меня есть кое-что погорячее.

— Это ни к чему, — поморщился Владимир Андреевич.

Но я уже поднялся и вышел из кухни. Огонь в прихожей не горел, но было светло. Из комнат доносилось дыхание спящих детей и мне никогда раньше не выдававшему белых ночей, было странно его слышать, будто в доме все опали среди дня.

С крыльца я увидел из конца в конец пустынную улицу. За домами молочно белела река. И воздух был белый, и небо — без звезд, белое, и даже нельзя было понять, где небо: то ли высоко-высоко, то ли совсем близко, над головой и опирается на острые макушки синих елей, окруживших поселок с трех сторон.

Я вытащил из поленницы прохладную бутылку и вернулся в кухню.

— Днем не решался поставить. Встретили-то вы меня не слишком ласково.

— Ишь чего захотел! — усмехнулся в усы капитан, — выгнал из дома нашу дочь с ребенком и полагаешь, что за это мы тебя еще целовать должны.

— Сама виновата, — буркнул я.

Капитан не возразил. Встал из-за стола, включил электроплитку, достал из шкафа несколько яиц и разбил их о край сковородки. Я ударил доньшко бутылки о ладонь, и пробка улетела в прихожую.

— Умеешь! — заметил капитан.

— За этот год научился.

Яичница заискрилась, и капитан перенес сковородку на стол.

— Никак не придумаешь, за что и пить, — подняв рюмку к глазам, сказал он. — Ну хоть за вашу дочь и за нашу внучку. Пусть у нее счастливо складывается жизнь. Да уж какое счастье без отца? Ну, все равно! — и поднес рюмку к губам, накрыв ее наполовину тяжелыми усами.

После второй рюмки он произнес:

— Гордиться проще простого.

«Ну, началось!» — подумал я.

— Надо уметь и прощать, — продол-

жал капитан. — В каждом человеке есть какие-то слабости, ни один не уберегается от ошибок! Так на каждом, что ли, и крест ставить? Верка тебе ничего не рассказывала про нашу жизнь с Настей?

— Нет.

— Молодец, Верка! Умеет хранить семейные тайны. Но я уж сам открою тебе одну. С Настей-то мы поженились как и вы, встретились побалагурили и отойти друг от друга не смогли, одна дорога оставалась — в поселковый Совет, расписываться. Жили тут же. Жили в землянках. Затон только строился. Морозы, черные пурги, а нам, ей богу, было тепло. Вера родилась, через пять лет—Наташа. Ничто уж, казалось, не собьет нашу жизнь. Но вот пригнал я теплоход из Норвегии, пришел домой, Верушка спит в своей кровати, а на нашей — соседка. На столе записка: «Володя, прости. Разлюбила. Верушку оставила. Знаю, без нее тебе будет совсем трудно. Меня не ищи». Ну как не искать, весь поселок оббегал. Соседка сказала: «Зря подметки треплешь. Жена не иголка. Была бы тут, давно бы уже нашел. Улетела она. В областной центр с летчиком улетела». Через неделю я тоже перевелся в областной центр.

Насте не показывался, хотя узнать, где она живет, узнал. Иной раз так закрутит, засвербит на сердце, что не вытерпишь и пойдешь к ее дому. Верушку не с кем оставить — значит, с собой прихватишь. А там, возле дома, — тополь. Обопрешься плечом на этот тополь и смотришь, смотришь в освещенное окно. И Верушка хоть и ничего не понимает и не знает, что это за окно, — тоже в него смотрит. Думал: выйдет сейчас — все прощу, ни разу не напому. Через год вышла — простил.

При последних словах капитана в дверях появилась Анастасия Ивановна, полная, по-матерински красивая, в бумазевом халате. Она, верно, догадалась, о чем рассказывал муж, подошла к нему, обняла за голову и, глядя мне в глаза, сказала:

— Володя у меня самый лучший на свете.

— Полно притворяться, — буркнул капитан.

— Приготовила тебе чемодан, — сказала Анастасия Ивановна, не отпуская головы мужа.

— А что уже пора?

— Три часа.

— Ну, извини, браток,—капитан встал и протянул мне большую смуглую руку. — Надо еще побриться.

Я тоже поднялся и вышел на крыльцо. Там стояла Вера в коротком и узком ситцевом платье, какое на ней я никогда не видел и в каком она, наверно, ходила еще в школу. И показалась она мне в этом платье маленькой, чистой, несмелой, совсем девочкой, какой я ее встретил в первый раз.

А над лесом поднялось солнце, небо стало высоким и поголубело, в траве искрилась роса.

Я опустился на скамейку и зажал ладонями лицо.

— Ты что? — мягко, по-старому спросила Вера.

— Господи! Не могу я отсюда уехать. Не могу один уехать.

И вдруг я почувствовал как к моей голове легко прикоснулась рука. Я поднял на Веру глаза.

— Ты у меня самый лучший на свете.

Я вскочил и схватил ее за плечи.

— Не надо, — покраснев, прошептала Вера — Сейчас выйдут папа и мама.

— Но ты же моя жена!

— Я отвыкла.

Я отпустил Веру и быстро проговорил:
— Побегу в магазин.

— Сумасшедший! Какой тебе магазин в три часа ночи!

— Я разбужу продавщицу. Я должен купить Ильке велосипед. Красный, как пожарная машина. Я сейчас принесу велосипед, а ты подними Ильку. Пусть она увидит и велосипед, и солнце, и росу, и нас с тобой вместе и запомнит это на всю жизнь.

— Хорошо, — все поняла Вера.

ЛЕЛЬКА

Лелька и Игнатий учились в художественном институте на живописном отделении. Ей было девятнадцать лет, ему—двадцать, когда они поженились.

Ее и его родители решительно воспротивились этому браку; он казался им скоропалительным, преждевременным, ненадежным, не имеющим под собой никакой материальной базы: стипендия маленькая и мастерством овладели еще не настолько, чтобы зарабатывать деньги. Да и овладеют ли когда-нибудь? Темная, непонятная эта вещь, живопись. И, ко всему прочему, говорят, нужен еще талант. Есть ли он хоть у одного из них?

Рассерженные родители отказались выделить молодым отдельную комнату или хотя бы угол с кроватью. Игнатий с легкой и непочтительной самоуверенностью заявил будущей теще:

— Чепуха! Не испугаете! Я построю свой дом!

И построил за городом среди белых шумнолистных березок шалаш. Не мудрое дело этот шалаш — два кола с рогулинами наверху, а в рогулины вставляется палка и кладется на нее с двух сторон все, что попадется под руку: сучья, ветки, листы ржавого железа, клочки черного толя, трава — и свой дом готов! И, как всякий дом, он постепенно обрастает вещами: то появляется сковородка с ручкой, чтобы жарить картошку и свежую рыбу, то чугунный утюг и гладильная доска, то еще что-нибудь. Лелька и Игнатий прожили здесь целое лето. Ночью сквозь щели вместе с прохладной свежестью сочились на их лица голубые звезды. За зыбкой стенкой, в траве, шуршали мыши. Лелька, разбуженная их писком, скользила вниз и прятала голову под ручкой Игнатия, а он бормотал во сне:

— Чепуха.

А утром — солнышко, целомудренный трепет березок, холодная земля под босыми ногами, сизые зернышки росы на траве, и, если лень бежать к реке, то можно собрать эту росу в ладони и

умыться ею. А самое прекрасное — они любят друг друга. Очень, очень, очень любят! Тысячу раз очень! Миллион раз очень! И они талантливы, богаты, и у них все впереди, и скоро они это докажут всему миру и своим старикам, конечно.

Так говорила ласковая восторженная Лелька. Игнатий молчал. Он главный в семье и должен держать марку. Постройкой «своего дома» он завоевал безоговорочное право на главенство. И весь облик Игнатия внушал доверие к его силе: баскетболистский рост, длинные сильные руки, чистое смуглое лицо с тяжелым и волевым, как у Джека Лондона, подбородком. Во всяком случае, Лелька полностью полагалась на него. Только с одним она не могла согласиться в муже — с его излишней самонадеянностью. Лелька говорила:

— Понимаешь, это противопоказано художнику. Для художника дороже сомнения, неудовлетворенность. Они помогают расти. А у тебя всю жизнь на душе ни облачка.

Игнатий снисходительно отшучивался:

— Чепуха! Доморощенная философия! «Чепуха» было любимым словечком Игнатия.

Ну, а Лелька? Что сказать о Лельке?

Еще на первом курсе в кругу друзей Игнатия возник спор о том, кто самая красивая девушка в институте. Игнатий с уверенностью знатока утверждал, что красавиц у них вообще нет. Ему возражали в несколько голосов и называли Лелю Савину.

— Чепуха! — перебивая друзей, кричал Игнатий. — Не помню такую. А раз не помню, значит не красавица. Я всех хорошеньких по пальцам пересчитаю.

Но на следующий день Игнатий все-таки попросил показать Лельку и, кося заблестевшими глазами, сделал вокруг нее несколько кругов. Ничего особенного. Стройная. Но мало ли стройных в девятнадцать лет! Лицо тонкое, строгое и на щеках неожиданные ямочки. Серовато-пепельные косы ниже пояса. Если и есть в ней какая-то красота, то не современная, уже отжившая свой век. Но чем больше Игнатий вглядывался в Лельку, тем сильнее его тянуло к ней. Хорошо Лелька улыбалась. Улыбались удлинённые под чуть припухшими веками серые глаза, улыбались ямочки на щеках, улыбались белые округлые зубы. И верилось, что и душа у нее такая же легкая,

светлая и радостная, как улыбка. И, должно быть, ребята, называя ее красавицей, видели не только косы, ямочки на щеках, глаза, но и ее душу. Во время работы Лелька собирала косы на затылке, открывалась белая, в пушке, шея, снимала туфли и ходила перед мольбертом в одних чулках, поджимая пальцы, оттого что выложенный кафельной плиткой пол был холодным. Тогда хотелось взять ее на руки и никогда уж больше не отпускать. Однажды Игнатий подошел к Лельке, рассказал о споре и признался, что проиграл его.

...С берез полетел лист, и молодая рощица сразу словно бы поредела, по ночам в шалаше стали мерзнуть уши. Лелька и Игнатий вынуждены были перебраться в город. Они недорого сняли комнату на шестом этаже. В комнату вместились кровать и стол, а стулья уже негде было поставить. Из окна виднелись рыжие крыши соседних домов с густыми зарослями антенн и уголок старинного парка — пять или шесть лип с черными корзинами галочьих гнезд на голых вершинах. Лельке казалось, что и сами они живут в гнезде или каком-нибудь тесном и темном скворечнике. Раз ночью Лельке

почудилось, что их скворечник скрипит и раскачивается на длинном шесте; проснулась — ветер толкался своими мягкими лапами в стекла.

В феврале у Лельки и Игнатия родилась дочь Оля, но они ее стали звать, как и Лену, Лелькой. «Скворечник» очень скоро пропах пеленками, мылом и лекарствами.

Лелька еще не ходила в институт, когда Игнатию в редакции юношеского журнала предложили съездить на большую сибирскую стройку и сделать несколько рисунков для художественной вкладки. Игнатий с радостью согласился. Лелька отпустила.

Сверкал под весенним солнцем белый снег. Небо было нежно-зеленым и высоким, с сосновых иголок соскальзывали тяжелые капли и пробивали в снегу глубокие и сразу же обледеневавшие по стенкам кратеры.

Игнатия томило беспокойство. Он не мог не признаться перед самим собой, что его командировка походила на бегство от новых и непривычных домашних забот. Ему было жалко Лельку, и он вспоминал о ней с прустной и отеческой нежностью.

Лелька писала легко и быстро, и если у ней сразу не получалась картина или этюд, она не переделывала их, а замазывала и начинала всю работу сначала. С такой же легкостью она относилась и к своим законченным вещам — разбрасывала и раздаривала без всякого сожаления, словно они ей ничего не стоили, словно в будущем она сможет создать их еще тысячи.

Игнатий находил Лелькины этюды под кроватью, в толстых книгах, в ящике стола и незаметно от жены прятал их в свои папки. Так же бережлив был Игнатий и в работе. Спотыкался он не меньше Лельки, но у него никогда не поднималась рука на то, чтобы вот так, несколькими мазками кисти, уничтожить все написанное. Он исправлял, переделывал то, что ему не нравилось, а то, что нравилось, оставлял неприкосновенным. Хотя он часто утрачивал первоначальное настроение, интерес ко всей картине, но иначе работать не мог и не хотел.

Дней за пять до отъезда со стройки позвонила Лелька. Звонок испугал Игнатия. Он встревоженно кричал в трубку:

— С дочерью что-нибудь случилось?

— Дочь здоровенькая. А я вот заболела.

— Что с тобой?

— Грудница.

— Но справляешься? — кричал он.

— Справляюсь, — тихо отвечала Лелька.

Она о чем-то не договаривала, и Игнатий догадывался о чем: ей трудно, она боится за себя и дочь, она просто в панике от страха и хочет, чтобы он как можно скорее приезжал; в другой раз Игнатий сам бы расспросил о ее настроении, и Лелька рассказала бы все так, как есть, и тогда пришлось бы немедленно ехать. А ему необходимы эти пять дней, чтобы наверняка попасть в журнал. Он должен заявить о себе. И он больше ни о чем не спросил. И Лелька ничего не сказала. Он был рад этому.

Большой, с посвежевшим и слегка почерневшим от солнца лицом появился Игнатий в дверях «скворечника». Взяв по лестнице на шестой этаж, запыхался.

Обе Лельки лежали на кровати: маленькая, завернутая в цветастые байковые пеленки, — у стенки; а большая — с краю. Дочь спала, только красная пу-

стышка почему-то двигалась в ее маленьком ротике. Лелька приложила палец к губам и, осторожно откинув одеяло, соскользнула на пол. Игнатий заметил, что кос у нее нет, волосы коротко подстрижены. Она шла на цыпочках, не отпуская пальца от губ, босая, маленькая, в коротком полосатом халате, перевязанная поверх халата толстой суконной шалью. Игнатию на миг стало стыдно за свой большой рост, за здоровье и прямое дыхание. Приподнявшись, Лелька обхватила его за шею, прижалась крепко и судорожно. «Так хватаются за спасательный круг»,—подумал Игнатий.

Глядя по непривычно коротким волосам, Игнатий сказал:

— Тебя не узнать.

— Не до кос было.

— Натерпелась без меня?

Лелька всхлипнула:

— Соседи помогали. В консультацию за молоком ходили, пеленки стирали... По тебе скучала. И за учебу волновалась. Скоро экзамены, а у меня в голове туман. Ты теперь поможешь мне с Лелькой, и я быстро все наверстаю.

Игнатий промолчал. Он подвел Лельку к кровати, посадил на краешек.

— Знаешь, Лелька. Вдвоем нам трудно учиться. Не сделать ли тебе перерыв годика на два? А через два года, я уверен, буду зарабатывать столько, что и на приличную квартиру хватит, и на няньку. И дочь подрастет к тому времени. А чтобы рука не отвыкла от работы, будешь брать задания в издательстве.

Лелька резко встала. Подошла к окну. На липах тоскливо кричали галки, по стеклу шлепала грязная мокрая вата, выбившаяся из щели.

— Ты хорошо все обдумал? — спросила она.

— Не веришь мне?

Лелька отвернулась, глаза у нее были такие же сухие, как и голос.

— Почему же. Верю. Но жалко...

— Что жалко? Мечты? Но она с тобой остается.

Лелька невесело рассмеялась:

— Разве что остается. Но хватит, Игнат. Решили: с сегодняшнего дня я домохозяйка.

В их положении, возможно, это был лучший выход: дочь отнимала у Лельки почти все время. Но Лелька об этом ни сколько не жалела. Она так любила сво-

его птенчика, что готова была сутками его тютюкать, нянчить, мыть, переодевать, кормить. Иногда все-таки ходила в издательство и брала какой-нибудь заказ — то сделать обложку к брошюре о клубной работе на селе, то проиллюстрировать тоненькую детскую книжечку. Заработанные деньги она откладывала на то, чтобы Игнатий летом мог съездить на этюды. Игнатий ездил: одно лето он провёл на Алтае, другое — в Саянах. Рисунки его прошли в журнале, но остались незамеченными.

А потом вдруг и Лельку потянуло к кистям. Она сдергивала с себя фартук, торопливо одевала дочку, сажала ее в коляску, клала рядом с ней этюдник и спускалась в парк. Лучше бы, конечно, сесть на автобус или трамвай и уехать за город, но, во-первых, с коляской не пустят, во-вторых, малышке вредно долго быть на солнце, в-третьих, обед Игнатию нужно приготовить. Набиралось десятков причин, по которым дальше парка она не могла выбраться. Только раз ранней весной Лелька съездила в березовую рощицу, к их старому шалашику. Она жадно вглядывалась в оживавшие деревья, в их отражения в разлившейся воде, в

воздух и быстро, казалось, не думая, бросала мазки на картон. Через час, не обмыв, сунула в этюдник кисти, захлопнула его, закинула за плечо и побежала на автобусную остановку.

Лелькины этюды попадались на глаза Игнатию и он, разглядывая их, говорил обычно:

— Ничего.

Лелька вырывала этюды из его рук и швыряла под кровать:

— А ну их! Мазня! Душу отвести.

Игнатий добавлял:

— Непричесано немножко, но ничего. С настроением.

Игнатий заканчивал институт. К дипломной выставке он подготовил четыре больших пейзажа — один алтайский и три саянских. И с десятков этюдов. Для картин заказали тяжелые рамы, и когда их принесли, сверкающие позолотой, в скворечник, там совсем уже невозможно стало повернуться.

Этюды Игнатий осторожно наклеил на два больших картона, заключенные в легонькие коричневые рамки. На одном картоне остался свободный уголок. Игнатий поскреб затылок, соображая, чем бы заполнить пустое место, и неожидан-

но с веселой хитрецей посмотрел на Лельку.

— Послушай-ка. Дай мне какую-нибудь твою штучку. Я ее наклею сюда. Как свою.

— Ты с ума сошел! — рассердилась Лелька. — Хочешь провалить свой диплом? Тебе за мою «штучку» оценку снизят.

— Чепуха! Не снизят! — довольный своей выдумкой, рассмеялся Игнатий. — Мои пейзажи как-нибудь вытянут этот этюдик.

— Все равно не хочу.

— Не упрямясь, Лелька. Самой, наверно, интересно узнать, что скажут о твоей самодеятельности.

— Совсем не интересно.

Игнатий, не слушая жену, слезил под кровать и вытащил стопку этюдов.

— Ну, хотя бы вот этот, — сказал он стряхивая пыль с верхнего картона. Лелька взглянула на этюд: красные березки, вода, шалашик.

— Как хочешь. Только не советую.

— Чепуха! Обойдется.

Экзаменационная комиссия во главе с известным художником — академиком медленно двигалась по просторному залу

с огромными, во всю стену, окнами. Члены комиссии, одетые в черное, наклонялись друг к другу и обменивались замечаниями вполголоса, лишь академик в сером спортивного покроя пиджаке, без галстука, худой, скуластый и такой молчаливый, что седина казалась не сединой, а нормальным цветом, позволял себе высказываться громко. Студенты вздрагивали от его жестокого голоса. Держались на почтительном расстоянии.

Комиссия остановилась перед работой Игнатия. Академик своими жесткими не улыбочивыми глазами посмотрел пейзажи и ничего не сказал. По его аскетическому лицу нельзя было понять, что он думает. А он думал: «Вот еще одного человека не научили самому главному — искусству. Пейзажи похожи на книжку, в которой автор думал только о том, как правильно писать слова и расставлять запятые. Что ж, запятые правильно расставлены. А жизни, души, радости и близко нету... А впрочем не следует торопиться. Вот тут что-то проклеывается».

Академик в это время приблизился к картонам с наклеенными этюдами, и взгляд его остановился на «Весне». На

переднем плане березы с черными ножками, которые по колени утопают в голубоватой снежной кашеце. Ветви на березках красны от горячих соков. А дальше—набухшие водой снега, они светло-зеленого цвета, а там, где вода уже совсем растопила снег, зелень сгущается, темнеет, отражая в себе белые стволы берез и облака. Наполовину затонул в воде шалашик. К нему и не добраться. Кто в нем жил? Бродяга, охотник или влюбленные? Сколько солнца — и на ржавом листе железа, и на ветвях, и на снегу. Снег тает на глазах. Хорошо, с душою. Как будто человек первый раз в жизни увидел весну и влюбился в нее. Хочется туда, в эту затопленную рощицу. Академик вспомнил, как недавно его внучка сказала: «Пойду солнышком подышать». Неправильно, а хорошо. Такое не придумаешь, такое из души. И на этюде все из души.

Академик повернулся к членам комиссии и, показывая на этюд, спросил:

— Художник здесь?

Игнатий, стоявший неподалеку, побледнел. Он уже заметил, что академик рассматривает Лелькин этюд, и его кольнуло сожаление о том, что он его накле-

ил. «Экая глупость! Он и вправду все испортит».

— Молодой человек, — сказал академик, когда Игнатий приблизился. — Дальше идите от этого этюда. Да-с, нравится он мне. Вы его мне не подарите?

Игнатий прикусил губу, отвел глаза.

— Жалко, — усмехнулся академик. — Понимаю. Хорошие подарки всегда жалко.

— Чепуха, — пробормотал Игнатий и резким движением оторвал этюд.

— Спасибо, — сказал академик, завернул этюд в каталог и пошел дальше.

Игнатия кто-то хлопал по плечу; кто-то говорил: «Заметил! Пятерка! Возьмет к себе!» Но он ничего не слышал. Он видел перед собой тонкое бледное лицо Лельки, ее глаза и в отчаянии думал «Как же теперь быть?..»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слепой дождь	5
Красный велосипед	18
Лельна	36

Николаев Владислав Николаевич Лирические рассказы

Редактор З. И. Михеева. Художник Е. К. Кобелев. Техн. редактор Л. Т. Овечкин. Корректор Ю. А. Набокова.

Подписано в печать 28/VI-63 г. Формат бум. 60×84/32. 1.52 печ. листа. 1.3 уч.-изд. листа. РД 01097. Тираж 10.000 экз. Заказ № 4473.

Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.

НОВАЯ ЦЕНА

2

руб

— коп

2р

Цена 5 коп.

